

ОНИ ПОНИМАЮТ ТОЛЬКО ЯЗЫК СИЛЫ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СИНАЙСКИЙ МИРАЖ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Синайский мираж

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Синайский мираж / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-185955-8

По окончании Шестидневной войны на Ближнем Востоке СССР предпринимает усилия, чтобы Израиль вернул арабским странам захваченные у них территории. С другой стороны, США препятствуют Израилю идти на компромисс. В это время в Египет направляется группа советских журналистов, чтобы снять фильм о произволе американцев. Неожиданно группа исчезает. Удастся установить, что она попала в руки боевиков террориста по кличке Гюрза, который с помощью заложников собирается шантажировать советскую сторону. Для спасения наших граждан в Египет прибывает группа спецназа КГБ майора Вячеслава Богданова. Понимая, насколько опасен безжалостный Гюрза, майор готовит против него свою оригинальную ловушку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185955-8

© Тамоников А. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Александрович Тамоников

Синайский мираж

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

5—10 июня 1967 года произошла война между Израилем с одной стороны и коалицией арабских государств (Египет, Сирия, Иордания, Ирак, Алжир) с другой стороны. В исторические анналы эта война вошла под названием Шестидневной. Победу в войне одержал Израиль, захвативший огромные территории, ранее принадлежавшие некоторым странам коалиции.

Как водится, мировые державы не остались в стороне от войны. В частности, США всячески поддерживали Израиль, а СССР – арабскую коалицию.

10 июня 1967 года – официальная дата окончания Шестидневной войны. На самом же деле война продолжалась – только иными средствами и способами. Теперь вместо военных на передние рубежи вышли дипломаты и секретные службы. Дипломаты добивались, чтобы Израиль вернул захваченные территории. Что касается разведки, спецназа и других секретных служб, то у них в этой войне были свои задачи. Большей частью такие задачи, способы их решения и результаты никому не известны и по сию пору. То есть на них по-прежнему лежит гриф «совершенно секретно». И когда его снимут, и снимут ли вообще, – сказать не может никто.

В основе повести лежит одна из секретных операций спецназа КГБ. Время ее проведения – 1967 год, то есть почти сразу же после официального завершения Шестидневной войны. Место проведения – территория одной из арабских стран, оккупированная Израилем в ходе войны. О сути операции и ее результатах и пойдет речь в повести.

Глава 1

Пять человек – трое мужчин и две женщины – с некоторой опаской переступили порог кабинета. К опаске примешивались и другие чувства: удивление, любопытство, даже восторг и восхищение. Никому из пятерых никогда до этого не доводилось бывать в столь высоких кабинетах и, соответственно, общаться со столь значимыми персонами, как хозяин этого кабинета.

При этом нельзя было сказать, что пятеро вошедших были какими-то малоопытными, зелеными юнцами или личностями, что называется, малозначимыми. Наоборот, в своем деле они достигли немалых высот, их имена были на слуху, многие их знали лично или понаслышке, а некоторые даже им завидовали. Двое из вошедших – мужчина и женщина – были операторами-документалистами, снявшими уже не один документальный фильм о советской действительности и отдельных людях-тружениках. Остальные трое – были корреспондентами. Причем все пятеро – профессионалы и признанные мастера своего дела.

Но снимали они фильмы, далекие по своей тематике от высоких правительственных кабинетов и тех людей, которые в этих кабинетах сидели. Героями их фильмов большей частью были простые люди: буровики-нефтяники, комбайнеры, сталевары, спортсмены... Такие герои, да и сама работа всех пятерых вполне устраивали, и ни о чем другом они не мечтали, да и мечтать не желали.

Но в одночасье все изменилось. С какого-то времени все пятеро почувствовали к себе чье-то пристальное, повышенное внимание. И, главное, непонятно было, от кого исходит такое внимание и что тому причиной. Все вроде бы было как обычно, жизнь текла своим привычным чередом со всеми ее обыкновенными радостями, огорчениями, удачами и неудачами, а потому – кому ты нужен, чтобы на тебя кто-то обращал особое внимание? Да и было ли оно на самом деле, такое внимание? Или всем пятерым (а все они жили в одном городе, работали на одной и той же студии и хотя и не близко, но все же друг дружку знали) так только казалось?

Нет, не казалось. Такое не может казаться, когда чей-то пристальный взгляд буквально прожигает тебе спину, – такое, знаете ли, не перепутаешь ни с чем. И не спишешь ни на мнительность, ни на чрезмерную впечатлительность, которая бывает присуща творческим людям, ни на усталость, ни на мимолетное раздражение от житейских неурядиц... А главное, совершенно непонятно, кто именно буравит тебе спину взглядом. Бывает, обернешься ненароком – а подумать и не на кого. Одни лишь безучастные, скользящие по тебе, а то и мимо тебя взгляды.

* * *

Первым к себе таинственное внимание ощутил корреспондент Никита Снегов. Целую неделю напролет жег его чей-то таинственный, неуловимый взгляд. Когда Никита бывал в помещении, скажем, дома или в студии – ничего подозрительного вроде бы и не чувствовалось. Но стоило ему выйти на улицу... Один раз ему показалось, что он понял, кто именно буравит его спину взглядом. Скажем, вот те два парня, которые стоят на углу и о чем-то между собою беседуют! Точно, они! Кто же еще, как не они! В таком деле ошибиться невозможно! Тем более что, сдается, он уже замечал их поблизости от себя. Точно, замечал! Вчера или позавчера...

Стараясь выглядеть уверенным, Никита не спеша подошел к двум парням.

– Привет, – нарочито развязным тоном обратился он к молодым людям.

– Привет, – спокойно и даже, как показалось Снегову, равнодушно ответил один из парней.

– Ну, и что вам от меня нужно? – спросил Никита у неизвестных.

– Ничего не нужно, – ответил один из парней. – Ты это о чем?

– Будто не знаешь! – усмехнулся Снегов.

– Не знаю, – спокойно ответил молодой человек.

– И я тоже не знаю, – отозвался его товарищ.

– Неужели? – язвительно усмехнулся Никита. – Тогда для чего же вы днями напролет меня сопровождаете?

– Это как так? – удивленно спросил один из парней.

– А вот так! – Никиту стала одолевать злость. – Шляетесь за мной и шляетесь!.. Кто вы такие?

– А ты? – спокойно поинтересовался один из парней.

– Я – корреспондент! – ответил Снегов. – Видите вон то здание? Это студия. В ней я и работаю!

– Ну и работай на здоровье, – усмехнулся парень. – К нам-то какие у тебя претензии?

– Показалось тебе, корреспондент, – сказал второй парень. – Никто тебя не сопровождает. Не шляется за тобой, как ты выразился. Для чего нам это нужно? Мы обычные мирные студенты. Зачем нам за тобой ходить?

– Тогда почему же я вижу вас рядом с собой вот уже три дня кряду? – мрачно поинтересовался Никита.

– И это тебе показалось, – миролюбиво ответил парень. – Хотя, может, наши пути и пересекались. Ну и что с того? Наверно, от усталости тебе померещилось...

Никита ничего на это не ответил и с мрачным видом отошел от парней. Ведь и в самом деле – что он мог им доказать? И вообще – для чего он затеял с ними этот дурацкий разговор? Что он собирался доказать этим двум парням-студентам? Ведь может так быть, что ему и вправду померещилось, что за ним следят. От усталости...

Отработав день, Снегов вышел из студии на улицу и первым делом оглянулся по сторонам. Тех двух парней он нигде не обнаружил. Мимо него проходили другие люди – мужчины, женщины, дети. Кто-то скользил по нему равнодушным взглядом, а большинство так и вовсе не обращало на него внимания. Кто-то сидел на ближних скамейках, несколько небольших компаний и парочек стояли на углу улицы и вдоль ограды, отделявшей тротуар от проезжей части. Ну и что с того? Повседневная, знакомая картина... «Померещилось мне...» – подумал Никита.

И все же напряжение его не покидало. Чтобы расслабиться, Снегов по пути завернул в пивной бар. У этого бара не было даже своего названия, на его поблекшей, покосившейся вывеске значилось «Пивной бар», и ничего более, да и внутри никаких особых интерьерных изысков тоже не имелось. И все же Никита этот бар любил и частенько в него заходил. То ли он находил что-то притягательное в непримечательном интерьере этого заведения, то ли ощущал в его душном полумраке некий особенный уют. Но как бы там ни было, ему здесь было хорошо, оттого он сюда и приходил. Его здесь знали, считали завсегдатаем, и даже присвоили ему прозвище Задумчивый.

– Привет, Задумчивый! – окликнул Никиту бармен за стойкой. – Давненько ты к нам не заглядывал! Что так?

– Да вот, дела... – неопределенно ответил Снегов.

– Оно и понятно, что дела, – согласился бармен, все его звали Яшей. – У всех дела, чтоб им пропасть. А вот я налью тебе свеженького, и принесу. Ты подожди...

– Что-то случилось? – спросил Никита.

– Может, случилось, а может, и не случилось, – неопределенно ответил Яша. – Тут с какой стороны посмотреть... Наверно, тебе лучше знать. Ты погоди, я сейчас...

Через две минуты Яша подошел к столику, за которым обосновался Никита. Посетителей в зале почти не было – лишь несколько смутно знакомых Никите завсегдатаев да парочка в углу – парень и девушка. Никто не обращал на Снегова внимания.

– Ну и что такое? – спросил Никита у Яши.

– Да, в общем, ничего особенного, – ответил тот. – А просто интересовались сегодня твоей личностью. Вот я и решил тебе сказать. Мало ли что...

– Кто?

– Их было двое – мужчина и женщина. Молодые, обходительные. Заказали у меня пива. А потом и спрашивают: а как бы нам повидать одного твоего постоянного клиента? Какого, спрашиваю? Ну, они и описали твою внешность. А я-то о своих постоянных клиентах никому ничего не рассказываю! Это мой принцип. Так я им и сказал. А они смеются: да мы, говорят, ничего плохого ему не сделаем, мы его старые знакомые, здесь мы проездом и желаем, говорят, сделать ему приятный сюрприз. А его, этот сюрприз, здесь, в пивной, устроить куда как проще, чем, допустим, на улице или у него дома... То есть у тебя дома, вот как! Да не знаю я, где он живет, отвечаю я им. А они: нам, говорят, и знать не надо, где он живет, а просто ты нам скажи, какой он человек. Хороший, плохой... Может, он здесь, в пивной, ругается матом или, скажем, водит дружбу с сомнительной компанией. У тебя в пивной встречаются всякие? Я и отвечаю: встречаются, говорю, конечно, разные, но он – не из таких. И описал тебя в самом наилучшем образе! Ну, они вежливо меня поблагодарили, допили пиво, рассчитались и ушли. Вот так.

– И кто же они такие?

– Говорю же, мне они не представлялись. Сказали только, что твои давние знакомые.

– Не они? – кивнул Никита в сторону парня и девушки, которые о чем-то тихо говорили в углу.

– Нет, другие...

– Так, может, они спрашивали не обо мне? Мало ли народу в твоём подвальчике?

– Народу, конечно, немало, но Задумчивым называют только тебя. Они так о тебе и сказали, когда я попросил их уточнить. Такой, говорят, задумчивый... Так кто же еще, если не ты?

– Интересно... – сквозь зубы проговорил Никита. – Ну, я пойду. А тебе спасибо за информацию. И вот тебе еще на чай...

Когда Снегов вышел из пивной, уже темнело. Вслед за ним вышли и те самые парень и девушка, о чем-то шептавшиеся в углу пивной. Накрапывал дождь. Никита поднял воротник плаща и пошел вдоль по улице. Пройдя десять шагов, он на ходу обернулся. Парень и девушка, не торопясь, шли за ним. Заметив, что Никита обернулся, они остановились, и парень принялся старательно завязывать шнурок на ботинке. Эге-ге, да уж не следят ли за Никитой эти двое? Да что же это в самом деле такое! Или это тоже случайное совпадение?..

Домой Снегов решил не идти, да он и не собирался идти домой. Он намеревался завернуть к своей знакомой Лиде. Тем более что он с нею договорился, что сегодня после работы он к ней зайдет. Лида не была ему ни женой, ни невестой. Они просто встречались, иногда Никита оставался у нее ночевать. К себе на ночь он Лиду пригласить не мог, так как жил с родителями, а Лида жила одна.

Входя во двор дома, в котором жила Лида, Никита еще раз оглянулся. Те самые парень и девушка никуда не делись, они все так же шли следом за ним, но, однако же, во двор дома и в подъезд, где на третьем этаже находилась квартира Лиды, входить не стали, а просто прошли по улице далее, даже не взглянув на Никиту.

«Ну и пускай себе идут! – подумал Снегов. – Мне-то какое дело! Так, случайные попутчики. Случайно встретились в пивной, случайно вместе вышли из пивной, случайно прошли по улице в одном направлении... Все случайно!»

И все же мерзкое, томительное ощущение того, что за ним следят, Никиту не покидало. С этим ощущением он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру Лиды.

– А что это ты такой мрачный? – спросила молодая женщина, целуя Никиту в щеку. – В кои-то веки пришел к любимой женщине – так радуйся! Нет же – бука буккой. Или что-то случилось?

– Ничего не случилось! – отрывисто произнес Снегов, подошел к окну и чуть отодвинул занавеску.

Окно выходило на улицу. Никита стал смотреть. И увидел: мимо дома по тротуару вновь прошли те самые парень с девушкой. Только – в обратном направлении. Снегов хмыкнул и задернул штору.

– И все-таки – у тебя что-то случилось! – сказала Лида, внимательно глядя на Никиту. – Возможно даже, что-то скверное. Потому что я никогда тебя не видела таким...

– Может, и случилось, – сказал Никита, помолчал и добавил: – Мне кажется, что за мной следят. Интересуются, так сказать, моей персоной. Выспрашивают обо мне.

– Вот как, – спокойно произнесла Лида, и Никиту невольно удивило такое ее спокойствие. Разве можно подобные вещи воспринимать спокойно? – Вот как... Ну, значит, и мне не показалось...

– Это ты о чем? – глянул Снегов на Лиду.

– О том, что кто-то интересуется твоей персоной, – пояснила молодая женщина. – О чем же еще?

– Я не понимаю...

– Это потому, что я тебе ничего еще не рассказала, – усмехнулась Лида. – А вот если расскажу... Садись и слушай. Вчера ко мне приходил участковый. Расспрашивал о тебе.

– Обо мне?

– Да, о тебе. Кто ты, что ты, какие у нас с тобой отношения, как я могу тебя охарактеризовать... О том же самом он спрашивал и у соседей. Ты что-то натворил? Может, тебя ищут?

– Да что я мог натворить? – Никита даже скривился от такого вопроса. – Это я-то – известный корреспондент-документалист! Натворил бы – мигом вышвырнули бы с работы. Да и искать меня не нужно. Вот он я, весь на виду! Если бы было надо, пришли бы ко мне на работу и взяли бы тепленьким! Те же следят, расспрашивают...

– А тогда в чем же дело? – задумчиво спросила Лида.

– Да откуда же мне знать! – с раздражением ответил Снегов. – Черт знает что такое!..

* * *

Примерно в то же самое время пристальное внимание к своей личности обнаружила и Анастасия Величко. Так же, как и Никита Снегов, она работала на студии, но не корреспондентом, а оператором. Она была единственным оператором-женщиной на студии, и в этом, если разобраться, не было ничего удивительного. Оператор – работа тяжелая, и в первую очередь в физическом плане. Аппаратура для качественной съемки весит немало. А долгое сидение над пленкой, а монтаж, а озвучка!.. Все это отнимало немало сил, да и времени тоже. Поэтому и не шли женщины на такую работу.

И все же Величко свою работу любила и знала в ней толк. Она была неплохим оператором, можно даже сказать – одним из лучших на студии. Несмотря на то, что такая работа отнимала у нее уйму сил и времени.

А силы и время Анастасии очень были нужны. У нее была дочь шести лет, а что такое шестилетний ребенок? За ним нужен пригляд, ему нужно внимание, а чтобы дать все это – нужны силы и нужно время. А оставить дочь было не на кого. Был у Анастасии и муж, но что с того толку? Сущая беда, а не муж. Гулена, пьяница, лодырь... Последний год Анастасия даже не жила с ним под одной крышей. Но и не разводилась, хотя очень того хотела, и все потому, что муж не желал никакого развода. Постоянные ссоры с ним, частое выяснение отношений – хотя, казалось бы, что тут было выяснять, все отношения давно были выяснены, – все это также отнимало время, а главное – силы. Когда Анастасия должна была уезжать на какую-то длительную съемку, дочурку приходилось отвозить в соседний городок к матери. Мать, конечно, не

отказывалась от внучки, но ведь часто туда не наездишься. Да и неправильно это – постоянно отдавать ребенка бабушке, какой бы внимательной и заботливой бабушка ни была.

Но свою работу Величко любила и не видела себя ни в каком ином качестве, а только оператором. Вот и поживи такой жизнью, вот и найди силы и время не только для дочери, но даже и для самой себя!

Так вот о чем-то чужом внимании к собственной личности. Нет, никакой слежки за собой и пристального, сверлящего взгляда в спину Анастасия не ощущала. Тут было другое. Однажды ее вызвал к себе директор студии – добрейший и деликатнейший человек Иван Тихонович.

– Тут такое дело, Настасьюшка... кгм... – начал он. – Такая, стало быть, вырисовывается картина... Как ты, вообще-то, живешь?

– Нормально живу, – пожала плечами Анастасия. – А что такое? Может, у вас какие-то претензии к моей работе?

– Упаси и помилуй! – замахал руками Иван Тихонович. – К работе никаких претензий! Даже наоборот... А вот что касается твоей личной жизни... так ты того... кгм...

– А что моя личная жизнь? – удивилась Величко. – Живу как все...

– Да в том-то и дело, дорогая Настасьюшка, в том-то и дело! – воскликнул Иван Тихонович. – Как все... А вот ежели, предположим, услать тебя в какую-нибудь долгую и дальнюю командировку? Тогда как?

– Надо, так поеду, – ответила Анастасия. – Впервые, что ли?

– Оно, конечно, не впервые, – согласился Иван Тихонович. – А как же дочь?

– А что дочь?

– Ну, я так слышал... кгм... что на мужа ее не оставишь, – почесал у себя за ухом Иван Тихонович. – Я, конечно, сильно извиняюсь, но это так?

– Так, – вынуждена была согласиться женщина.

– А тогда – как же?

– Оставлю у мамы, – усмехнулась Величко. – Не в первый раз...

– Да-да-да... – покивал Иван Тихонович. – У мамы... А с мужем что же? Никак?

– Никак! – жестко ответила Анастасия. – Да вам для чего нужно знать мои отношения с мужем?

– Так ведь оно как, – смущенно ответил Иван Тихонович. – Надо, коль спрашиваю... Я – советский начальник, и семейные дела моих подчиненных в некотором роде моя обязанность. Так велит нам наша социалистическая мораль... да. Чтобы не было ничего такого... Вот я и спрашиваю...

– Тут я разберусь сама! – решительно ответила Анастасия. – А что же, намечается долгая и далекая командировка? И что же будем снимать?

– Ну, я пока не сказал, что намечается командировка, – отвел глаза Иван Тихонович. – И тем более что в нее поедете именно вы. Есть и другие операторы... кгм. И вообще, пока это все под вопросом. А вы идите, Настасьюшка, идите. И спокойно работайте.

Величко вышла от начальника в недоумении. Интересно знать, для чего он завел с нею такой разговор? И о муже, и о дочери, и о ее готовности отбыть в какую-то таинственную командировку. Никогда прежде таких разговоров Иван Тихонович с ней не заводил. И впрямь интересно.

Тем же вечером недоумение Анастасии усилилось. И усилил его не кто иной, как муж. Анастасия шла в детский садик за дочерью, и тут-то муж ее и повстречал. Перехватил, можно сказать, на полпути.

– Поговорить бы надо, – просительно сказал муж. – По важному вопросу.

– Все наши разговоры давно закончились! – резко ответила Величко. – И важные, и второстепенные – всякие! Так что не о чем нам говорить! Разве только о разводе.

– Ну, я бы так не сказал, – ухмыльнулся муж. – Если подумать, то темы найдутся.

– Например? – переступила с ноги на ногу Анастасия. – Ушел бы с дороги. Я тороплюсь в садик за дочерью.

– Еще есть немного времени, – с каждым словом муж становился все настойчивее, и это Анастасии не нравилось. – Успеешь. Да и не выгонят дочь из садика, даже если ты туда опоздаешь. Сказал же – надо поговорить. На важную тему.

– Это на какую же? – насмешливо спросила женщина.

– Например, о твоём моральном облике, – прищурил глаза муж.

– О чем? – вытаращила глаза Анастасия.

– Позавчера товарищи из серьезной конторы, – муж многозначительно ткнул пальцем куда-то вверх, – затеяли со мной один интересный разговор.

– О моем моральном облике? – иронично поинтересовалась женщина.

– Именно, – подтвердил муж.

– Товарищи оттуда? – Анастасия также указала пальцем вверх.

– Оттуда, – подтвердил муж.

– Что, именно так они тебе и отрекомендовались? – еще с большей иронией спросила Величко.

– Именно так и отрекомендовались, – подтвердил муж. – И даже предъявили документы. Так что все честь по чести... Конечно, они велели мне помалкивать о разговоре, но поскольку речь шла о тебе, а ты моя жена, то...

– Никакая я тебе не жена! – резко ответила Анастасия.

– Ну, после позавчерашнего разговора можно говорить и так, – согласился муж. – Потому что быть мужем сомнительной особы – в этом, знаешь ли, я не вижу смысла. – Он помолчал и продолжил: – А еще – на важной государственной работе, передовик производства, фамилию упоминают в титрах по телевизору... И на тебе – моральный облик!

– Ты бы лучше задумался над своим моральным обликом! – сказала Анастасия.

– А я что? Облик как облик. Во всяком случае, мною товарищи оттуда, – муж опять указал пальцем вверх, – не интересуются. А вот тобой интересуются.

– И о чем же они тебя спрашивали, эти твои товарищи? – хмыкнула Величко. – И почему именно тебя?

– Потому, что я числюсь твоим мужем, – ответил супруг. – А о чем спрашивали? О разном. Например, какова ты в быту и в семейной жизни, не скандалистка ли ты и не стерва, пьешь ли ты водку. О разном спрашивали.

– И зачем же?

– А это ты спросишь у них сама, – ехидным голосом ответил муж. – Когда с ними встретишься. Думаю, что это произойдет очень скоро. Коль уж они меня спрашивали о тебе... А еще в чем-то этаком упрекаешь меня! А сама-то... Да я чище тебя в тысячу раз, понятно тебе?!

– Понятно, – спокойно ответила Анастасия. – Что же тут непонятного?

– А коль так, – сказал муж, – то я согласен на развод. Как говорится, в любой момент времени и в любом месте! Потому что не желаю числиться супругом такой подозрительной особы. Коль уж тобой интересуются в таких инстанциях...

И муж, гордо развернувшись, пошел в противоположную сторону той, куда направлялась Анастасия. А Величко задумалась. Мог ли муж солгать? Разумеется, мог. Но для чего ему такая ложь? Что он хотел ею добиться? Объявить о своем согласии на развод? Ну, это можно было сделать и проще, не приплетая сюда мифических товарищей из органов. Значит, он говорил правду. Хотя, может, и частичную, но правду. Похоже, что ею, Анастасией, и впрямь интересуются компетентные органы. Да, но что такого она сделала? С какого такого боку она навлекла на себя подозрение?

Ответов на эти вопросы у нее не было. А тут еще припомнился разговор с начальником Иваном Тихоновичем. Неконкретный это был разговор, какой-то общий и размытый... А что, если оба эти факта – разговор с Иваном Тихоновичем и совсем недавний разговор с мужем как-то взаимосвязаны? Что, если и к Ивану Тихоновичу приходили те самые товарищи, что и к мужу, и интересовались ею? Но зачем же? Чем она могла вызвать интерес такой конторы, которую все ее знакомые осторожно и обтекаемо называли «оттуда»?

Как ни размышляла Анастасия, а ответов на свои вопросы она так и не нашла. И в рассеянной задумчивости пошла дальше, в детский садик за дочерью.

Глава 2

Впрочем, и Величко, и Снегов вскоре узнали, действительно ли кто-то интересуется ими и с какой именно целью. Оказалось, что и Никите не пригрезилось, что за ним следят, и муж Анастасии также по-своему оказался прав.

Как уже говорилось, Величко и Снегов работали в одном и том же учреждении – киностудии. Однажды утром, едва только они успели войти в здание студии, им сообщили, что их требует к себе начальник Иван Тихонович. Причем – срочно, вот буквально-таки сию минуту. Недоуменно пожав плечами, Никита и Анастасия пошли к Ивану Тихоновичу в кабинет.

В кабинете, помимо самого Ивана Тихоновича, находилась целая компания: два корреспондента этой же студии – Марина Прокопьева и Евгений Генералов, а также оператор Алексей Кудря. Кроме них, здесь же присутствовал какой-то незнакомый мужчина средних лет с улыбчивым лицом и, как одновременно показалось и Анастасии, и Никите, с насмешливым взглядом.

– Что ж, все в сборе, – сказал Иван Тихонович, обращаясь к незнакомому мужчине. – Вы просили пригласить этих товарищей – я пригласил. Мне выйти или можно остаться?

– Ну что вы, Иван Тихонович! – улыбнулся незнакомец и насмешливо сверкнул глазами. – Конечно же, вы можете остаться! У нас к вам – полное доверие. Полнейшее! Вы, так сказать, личность проверенная.

– Конечно, я благодарю, если это и вправду так... кгм... – расшаркался в смущении Иван Тихонович.

– Так, Иван Тихонович, так! – Улыбка незнакомца стала еще шире.

– Тогда позвольте, я представлю вас собравшимся товарищам, – сказал Иван Тихонович.

Все пятеро приглашенных – три корреспондента и два оператора – недоуменно между собой переглянулись. Уж слишком необычным был тон у их начальника Ивана Тихоновича, да и вел он себя не так, как обычно, а как-то по-другому. Казалось, в его тоне и во всем его поведении присутствовала какая-то суетливость, нервозность и неуверенность, а на лице читалось смущение и непонимание. Да что же это такое случилось с милейшим Иваном Тихоновичем? И кто этот мужчина с насмешливым взглядом?

– Я сам представляюсь, – коротко ответил незнакомец и по очереди оглядел всех приглашенных. А потом произнес: – Меня зовут Василием Федотовичем. Я – сотрудник Комитета государственной безопасности. Выражаясь вашим стилем, учреждения «оттуда».

Пятеро приглашенных еще раз между собой переглянулись. Мужчина, отрекомендовавшийся пришельцем «оттуда», конечно же, заметил это переглядывание и насмешливо сверкнул глазами.

– Как вы догадываетесь, – сказал он, – собрались все вы здесь – в одном, так сказать, месте и в одно и то же время – не случайно, а по моей просьбе, которую любезнейший Иван Тихонович и выполнил. Предвижу вопросы с вашей стороны. Разумеется, это вопросы законные и справедливые, и потому я охотно на них отвечу.

Сотрудник КГБ встал и подошел к окну. Какое-то время он безмолвно смотрел на дымящиеся трубы далекого завода, который был виден из окна, а затем повернулся к пятерым приглашенным и сказал:

– Безусловно, в какой-то момент вы все почувствовали к себе чье-то пристальное внимание. Будто бы кто-то за вами наблюдает, сверлит вам спину взглядом... Вы все люди творческие, а значит, тонко чувствующие. Ну, так был такой момент?

– Не знаю, как у других, но у меня был, – ответил Евгений Генералов.

– И у меня – тоже, – сказал Никита Снегов.

Остальные трое не сказали ничего, лишь в знак согласия кивнули.

– Между прочим, – сказал Никита, – мне кажется, что я даже вычислил ваших... – он замялся, подбирая подходящее слово. – Ваших наблюдателей.

– Неужели? – глянул на Никиту сотрудник КГБ. – И каким же образом вы их вычислили? Считайте мой вопрос не праздным, а сугубо профессиональным.

– Ну, каким... – пожал плечами Никита. – Уж слишком они мельтешили у меня перед глазами. То одни, то другие.

– О, да! – рассмеялся товарищ из КГБ. – С двумя из них вы едва не устроили драку! Было такое дело?

Снегов на это ничего не сказал, лишь молча развел руками.

– Плохо работаем! – огорченно произнес товарищ из КГБ. – Никуда не годится такая работа! Наблюдатель, как вы выразились, должен быть незаметным. Образно говоря, он обязан сливаться с окружающей его обстановкой. Раствориться в воздухе, прикинуться деревом, урной, афишной тумбой – лишь бы не попасться на глаза тому, за кем он наблюдает! Это, товарищи, азы нашей работы. Вот я задам этим наблюдателям! Повышу, так сказать, их профессиональный уровень.

– Тогда заодно задайте и участковому уполномоченному, – мстительно произнес Никита. – Вломился, как слон в посудную лавку. Что, да кто, да почему... Насколько я понимаю, он тоже действовал по вашему поручению?

– И ему задам тоже! – улыбнулся товарищ из КГБ.

– Может, вы объясните, чем вызван столь пристальный интерес вашего ведомства к нашим персонам? – спросил оператор Алексей Кудря. – Мы – люди скромные, благонадежные, состоим при серьезном деле, а потому и проверенные...

– Охотно объясню, – сказал Василий Федотович. – С тем, собственно, я вас и пригласил. Всех пятерых.

– И почему именно нас? – не унимался Алексей Кудря.

– Потому, что мы остановили выбор именно на вас пятерых, – туманно выразился Василий Федотович. – Ну а коль остановили, то, соответственно, возникла необходимость вас проверить дополнительно.

– И зачем же? – спросила Анастасия Величко.

– Вот об этом мы и поговорим, – произнес Василий Федотович. – Вы, конечно же, знакомы с политической ситуацией в мире?

– Разумеется, – сказал Евгений Генералов.

– И то, что недавно завершилась война между Израилем и коалицией арабских государств, вы также знаете?

– Ну а как же, – за всех ответил Никита Снегов.

– И то, на чьей стороне в этой войне был Советский Союз, а на чьей – наш потенциальный противник, вам также известно?

– Известно, – признался Алексей Кудря. – И новости слушаем, и газеты читаем...

– Ну а о том, что эта война, по сути, не закончилась, а продолжается, но только другими средствами, вы, надеюсь, тоже догадываетесь?

– Мы вообще люди догадливые и сообразительные, – усмехнулся Евгений Генералов. – И между строк читать умеем, и между слов слышать...

– Отлично! – радостным тоном произнес товарищ из КГБ. Похоже было, он именно таких слов и ожидал. – Ну а коль так, то будем говорить напрямую. Да, товарищи, война, которую успели назвать Шестидневной, не окончена. Пушки умолкли, но у нас ведь есть и другое оружие, не так ли?

– Острое слово, – отозвалась до сих пор молчавшая Марина Прокопьева.

– И зоркий глаз кинокамеры! – дополнил Алексей Кудря.

– Именно так! – воскликнул Василий Федотович. – Острое слово и зоркий глаз! То есть теперь на переднем крае борьбы – не солдаты с танками и пушками, а вы – корреспонденты и операторы. Такой вот получается расклад.

Василий Федотович умолк и опять принялся любоваться законными видами индустриального городского пейзажа. Налюбовавшись, он вновь повернулся к пятерым приглашенным и сказал:

– А коль оно так, то необходимо применять это оружие. Разить, так сказать, неприятеля острым, беспощадным словом и с помощью кинокамеры показывать всю его преступную сущность. Вы со мной согласны?

Пятеро приглашенных, соглашаясь, кивнули.

– А тогда – переходим к сути дела, – сказал Василий Федотович и указал пальцем вверх. – Там возникла идея снять серию документальных фильмов о тяжелой жизни людей на оккупированных Израилем территориях. Показать, как говорится, всю гнусную сущность оккупантов, потребовать, чтобы они немедленно убирались с оккупированных территорий. Когда фильмы будут готовы, их посмотрят миллионы зрителей. И у нас, и в зарубежных странах. Вот это и будет наше оружие.

– И эти фильмы должны снять мы, – в раздумье проговорила Анастасия Величко.

– Да, – сказал товарищ из КГБ. – Именно вы пятеро. На вас пал выбор как на самых талантливых, благонадежных и правильно понимающих ситуацию товарищей. Разумеется, это дело добровольное. То есть любой из вас вправе отказаться. Разумеется, никакие оргвыводы по тому, кто отказался, делаться не будут. Мы понимаем – у каждого могут быть свои причины и обстоятельства...

– И как вы все это видите? – спросил Евгений Генералов.

– Это вопрос номер два, – ответил Василий Федотович. – А вопрос номер один – ваше принципиальное согласие. При этом сразу же хочу предупредить: дело непростое, и даже, в некоторой степени, опасное. Работать придется на оккупированной неприятелем территории. Так что сами понимаете... А потому у меня ко всем вам просьба. Сейчас мы с вами расстанемся, и вы хорошенько подумаете о моем предложении. А завтра мы встретимся вновь, и каждый из вас скажет мне свое решение. Договорились?

– Да, да, договорились, – вразнойбой ответили корреспонденты и операторы.

– Вот и отлично! – сказал Василий Федотович. – В таком случае – до завтра. Встретимся в это же самое время и в этом же самом месте. Да, и еще: надеюсь, вы понимаете, что о нашем разговоре никто знать не должен? За исключением, разумеется, милейшего Ивана Тихоновича... – товарищ из КГБ сверкнул насмешливыми глазами в сторону притихшего начальника.

– А нашим близким что говорить? – спросила Анастасия.

– А им скажите так. Предстоит, мол, дальняя и длительная служебная командировка. А какая и куда именно – о том молчок.

– А между собой мы можем обсудить ситуацию? – спросил Никита Снегов.

– Не только можете, но и обязаны, – объявил Василий Федотович. – Как-никак, вы – будущая сплоченная команда. Будете делать одно и то же дело. В непростых условиях, на вражеской территории. Надеюсь, милейший Иван Тихонович не станет вас загружать работой, и вы сможете обменяться между собой мнениями.

– Да, конечно же! – воскликнул Иван Тихонович. – Это мы понимаем!

– Вот и замечательно, – одобрительно произнес товарищ из КГБ. – Тогда, товарищи, до завтра...

* * *

– А пойдете ко мне домой! – предложила Анастасия, когда все пятеро вышли из кабинета начальника. – У меня дома никого нет. Дочь в детском садике, а муж вчера заявил о своем согласии на развод... Посидим, обсудим...

– Такие дела на сухую не обсуждаются! – заявил Евгений Генералов. – Тут нужна соответствующая экипировка!

– Ну, так заскочим по пути в магазин и в складчину экипируемся! – согласилась компания.

На том и порешили.

* * *

– ...Ну и что скажете, уважаемые товарищи и коллеги? – спросил Евгений Генералов, когда бутылка вина была уже почти совсем пустой. – Какое примем решение?

– Тут каждый должен решать за себя, – сказала Марина Прокопьева.

– Так я о том и говорю! – согласился Евгений.

– Тогда с тебя и начнем, – сказала Анастасия.

– Можно и с меня, – пожал плечами Евгений. – А почему бы и нет? Так вот лично я – за. То есть я поеду. Ну а что? По-моему, очень даже интересно. Это тебе не фильм о героических оленеводах или металлургах снимать. Тут, знаешь ли... – и Евгений выразительно щелкнул пальцами.

– Премию дадут... – мечтательно проговорил Алексей Кудря.

– Какую еще премию? – спросила Анастасия.

– Думаю, что Государственную, – озорно сверкнул глазами Алексей. – На меньшую я не согласен! В общем, я тоже еду. Государственные премии, знаете ли, на дороге не валяются!

– Я тоже еду, – коротко произнес Никита Снегов. – От таких предложений не отказываются.

– И это прекрасно! – произнес Алексей Кудря. – Снимали мы с тобой оленеводов, снимали металлургов со строителями, запечатлеем и злобных оккупантов вместе со страдающими жертвами.

– Осталось только услышать мнение наших дам, – сказал Евгений Генералов.

– Ну а я чем хуже? – произнесла Анастасия. – Поеду. Случай-то и впрямь уникальный. Будет что вспомнить.

– А куда денешь дочку? – спросила Марина.

– Как обычно, – пожала плечами Анастасия. – Оставлю бабушке.

– А развод с мужем?

– Ну, это дело повременит, – улыбнулась Величко. – Вернемся – разведусь.

– А если он до той поры передумает? – хохотнул Евгений. – Скажет: зачем это я стану разводиться с такой героической супругой? Нет, скажет, я не согласный!

– Иди ты с такими своими предположениями сам знаешь куда, – сказала Анастасия.

– Не, туда я не хочу! – парировал Евгений. – Уж лучше я поеду на вражеские территории.

– Марина, а ты почему молчишь? – глянули на Марину четыре пары глаз.

– Да я и не знаю, что ответить... – в раздумье произнесла Марина.

– А что так? – поинтересовался Евгений.

– Понимаете, свадьба у меня намечается. Скоро... Уже и заявление подали. А тут – эта поездка. Ведь даже неизвестно, сколько времени она займет.

– Ух ты! – присвистнул Евгений. – Свадьба! А мы-то ничего и не знали? Какая ты, оказывается, скрытная! Нет чтобы поделиться радостью с коллегами!

– Совсем уже собиралась и поделиться, и на свадьбу пригласить, – улыбнулась Марина. – Да вот, не успела.

– И кто же этот счастливец? – весело спросил Евгений. – Небось, не из нашего круга? А то бы мы знали.

– Не из нашего, – ответила Марина. – Переводчик он. Лингвист. Вместе учились. И вот что теперь делать, не представляю. С одной стороны, очень хочется поехать. А с другой – свадьба...

– Ну так поговори по душам со своим лингвистом, только и всего! – пожал плечами Алексей Кудря. – Объясни ему: так, мол, и так, свадьба не стена, ее можно и отодвинуть.

– Что б ты понимал – в свадьбах? – возразила Марина. – Попробуй ее отодвинь, когда к ней уже почти все готово! Ох, не знаю!.. Но, думаю, завтра буду знать. Завтра и скажу свое решение.

Помолчали, разлили по бокалам остатки вина.

– И все-таки ты прав! – глянул Евгений на Никиту. – Случай и впрямь единственный в жизни. Хочется, знаете ли, попробовать себя в чем-то этаким. Как поется в песне: «Под сенью пальм, в сухом песке пустыни». Да и вообще... А то ведь так и придется всю жизнь снимать каких-нибудь оленей. Анфас, профиль, на бегу. Олень, конечно, существо прекрасное, но... Едем, братцы, едем! Ну или летим. Тут уж все будет зависеть от нашего благодетеля «оттуда».

Глава 3

На следующий день вся пятерка явилась в кабинет к Ивану Тихоновичу. Пока шли, Евгений Генералов спросил у Марины:

– Ну и как, Мариночка, отодвинулась стена?

– Отодвинулась, – улыбнулась Марина. – Но с таким трудом, с такими монологами и диалогами!

– Ну так свадьба – это вообще коловращение и смятение умов! – глубокомысленно изрек Евгений. – Оттого-то лично я и намерен как можно дольше пребывать в холостяках! Ну а будущему мужу ты объяснила все перипетии и нюансы? А то ведь мужья – они такие недоверчивые! Особенно будущие.

– Да и бывшие – тоже! – рассмеялась Анастасия. – На себе испытала!

– Ну тем более! – хмыкнул Евгений. – И как же отнесся сей будущий муж к таким поворотам в твоей, а заодно и в его судьбе?

– С пониманием отнесся, – ответила Марина.

– Значит, любит! – уверенно заключил Евгений.

С такими-то шутками и прибаутками компания зашла в кабинет к Ивану Тихоновичу. И сам начальник, и вчерашний товарищ из КГБ Василий Федотович были на месте.

– Здравствуйте, товарищи! – встретил корреспондентов и операторов товарищ из КГБ. – Проходите, рассаживайтесь. Надеюсь, вы как следует обдумали мое вчерашнее предложение? Посовещались между собой, осторожно намекнули родным и близким...

– Да, – коротко ответил за всех Никита Снегов.

– Ну и?.. – поинтересовался Василий Федотович.

– Да, – сказал Никита.

– Виноват, – мягко произнес Василий Федотович. – Ваше «да» – это только лишь ваше «да» или вы говорите от имени всех?

– И мое, и всеобщее, – ответил Никита. – Хотя, думаю, другие выскажутся тоже.

И другие выразили свое согласие.

– Вот и отлично! – выдохнул товарищ из КГБ. – А то, признаться, я пребывал в некоторых сомнениях. Особенно относительно Анастасии и Марины. У Марины скоро свадьба, у Анастасии нелады, так сказать, на семейном фронте.

– Вы и это знаете? – не удержалась от вопроса Марина.

В ответ Василий Федотович лишь красноречиво развел руками: дескать, что за вопрос, конечно же, знаю, работа у меня такая.

– Ну-с, коль оно так, тогда приступим к реализации нашего проекта. Сегодня вы оформите командировки. Все необходимые моменты мы с Иваном Тихоновичем обговорили, так что он в курсе, что и как. А вот завтра с утра попрошу всех оставаться дома. За каждым из вас прибудет автомобиль, и вас отвезут в одно замечательное местечко.

– Зачем? – спросил Никита Снегов.

– Ну вы же все понимаете, что должны будете выехать не на оленье стойбище и не на стройку завода-гиганта, – сказал товарищ из КГБ. – Ваша поездка, скажем так, непростая. Значит, вам будут нужны кое-какие инструкции.

– Понятно, – сказал Никита, а остальные молча кивнули.

– Вот и превосходно, – проговорил Василий Федотович. – Итак, ждите. Завтра утром ровно в восемь ноль-ноль за вами приедут.

– А вы что же, знаете, где мы все проживаем? – опять не удержалась от вопроса Марина.

В ответ товарищ из КГБ лишь улыбнулся.

* * *

Так и случилось. На следующее утро ровно в восемь ноль-ноль в двери жилищ, где обитали Никита, Евгений, Алексей, Марина и Анастасия, постучали.

– Ой! – растерянно произнесла Величко. – А мне ведь надо еще отвести дочку в садик...

– Учтено, – коротко ответил молодой, холодно-вежливый мужчина. – Собирайте дочку. Отвезем по пути.

...Все встретились в особняке, который был расположен за городом в березовом лесочке. С виду этот особняк можно было принять за чью-то дачу или небольшой пансионат для каких-то таинственных личностей, поправляющих в нем свое здоровье. Здесь корреспондентов и операторов встретил все тот же Василий Федотович и с ним – молодой молчаливый мужчина.

– Прошу знакомиться, – представил мужчину Василий Федотович. – Это – Вячеслав Богданов, старший группы спецназа.

– Группы чего? – прищурил глаза Никита Снегов.

– Группы специального назначения, – пояснил Василий Федотович. – Которая умеет все. Ну, или почти все.

– Ого! – весело воскликнул Евгений Генералов. – Слышать слышал, но вижу впервые! Надо же! Человек, который умеет все! Послушайте, а что, если мы снимем о вас фильм? И назовем его соответственно – «Человек, который умеет все». Успех гарантирован! Как вы на это смотрите?

Вячеслав Богданов усмехнулся и молча покачал головой.

– Жаль! – огорченно произнес Евгений. – Такой материал пропадает напрасно!

– Товарищ из спецназа должен всех вас знать в лицо, – сказал Василий Федотович. – Для того он сюда и прибыл.

– Это еще зачем? – недоуменно спросил Никита.

– А затем, что вы отправляетесь в стан неприятеля, – пояснил товарищ из КГБ. – И если с вами что-то случится, то товарищ из спецназа вместе со своими подчиненными придет к вам на выручку. А для этого он должен знать вас в лицо.

– А что именно с нами может случиться? – поинтересовался Алексей Кудря.

– Возможно, что и ничего, – ответил Василий Федотович. – Но возможно также и другое. Повторяю: вы должны будете отправиться на оккупированную территорию. А там может случиться всякое. Конечно, вас там будут охранять местные товарищи. Но все же...

– Понятно, – сказал Алексей.

– И если кому-то из вас страшно, то об этом следует сказать, не таясь, – Василий Федотович оглядел по очереди всю пятерку. – В этом нет ничего зазорного или преступного. Ну так что же?

Но никто из пятерки не проронил ни слова, лишь Евгений Генералов хмыкнул: дескать, не надо нас пугать прежде времени, мы – народ бывалый, видели и пережили многое.

– У меня вопрос к этому товарищу, – указала Марина на Вячеслава Богданова. – Скажите, запоминать сразу пятерых людей, которых ты видишь впервые, – это долго?

– Уже запомнил, – улыбнулся Богданов.

– И не забудете? – недоверчиво спросила Прокопьева.

Богданов покачал головой.

– А что нужно, чтобы так быстро запомнить пять лиц? – спросила Марина.

– Не только лиц, – ответил Богданов, – но и кое-какие другие приметы. А что нужно? Не знаю. Наверно, привычка.

– Только и того? – разочарованно произнесла Марина. – А я-то думала...

На это Богданов ничего не ответил.

– У меня все, – сказал он, обращаясь к Василию Федотовичу.

Затем Богданов еще раз оглядел по очереди всех пятерых, поднял руку в прощальном жесте и пошел к выходу.

– До скорой встречи! – весело сказал в спину Богданову Евгений Генералов.

Богданов остановился, повернулся и посмотрел на Евгения.

– Лучше бы она не случилась, наша скорая встреча, – сказал он и вышел.

– Ну а теперь, – проговорил Василий Федотович, – приступим к разработке конкретных деталей вашей миссии...

* * *

Конкретные детали миссии заключались в следующем. На сборы группе давалось два дня. Затем всех пятерых военным самолетом должны перебросить в Египет. Там их встретят представители египетских спецслужб и помогут перебраться на оккупированную Израилем территорию, принадлежавшую до Шестидневной войны Египту. Оказавшись на месте, группа должна приступить к работе – то есть к съемке документальных фильмов. Именно нескольких фильмов, а не одного фильма. Почему нескольких? Тут все понятно: потому, что несколько фильмов лучше, чем один. Какой-то из фильмов может по тем или иным причинам не получиться, какой-то получиться, но в итоге оказаться неудачным... А вот если будет снято несколько фильмов, то будет из чего выбирать.

Разумеется, на оккупированную территорию корреспонденты и операторы отправятся не одни. К ним будут приставлены охранники-египтяне, которые должны всячески их охранять. Договоренность на этот счет с египетской стороной имеется. Хотя по большому счету никаких особых опасностей и прочих приключений на оккупированной территории не предвидится. Тут все просто. Территория хоть и считается оккупированной, но она настолько обширна, что у оккупантов не хватает сил контролировать ее полностью. Так что за все время работы документалисты могут никого из оккупантов и не встретить.

Но тем не менее работать нужно оперативно, быстро и слаженно. Когда необходимый материал будет отснят, документалисты должны об этом сказать своим охранникам, и те организуют немедленную отправку корреспондентов и операторов обратно домой. Остальная работа над фильмами будет осуществляться уже дома.

Сколько времени будет длиться командировка, сказать сложно. Это зависит от нескольких условий. Во-первых, от работы самих документалистов: чем быстрее они справятся со съемкой, тем быстрее вернутся домой. Во-вторых, от всяческих местных условий и неожиданностей, которые сейчас предвидеть и предугадать просто невозможно. Например, может разразиться песчаная буря. Какие уж тут съемки? И притом поди угадай, сколько времени она будет длиться. Или кто-то из группы неожиданно заболеет.

К тому же нельзя сбрасывать со счетов и такое обстоятельство. Места там не слишком населенные. Как говорят местные товарищи, зачастую там за целый день можно не встретить ни одного человека. А если нет людей, то какие же съемки? Не будешь же целый день напролет снимать безлюдную пустыню! Но и отыскать людей – это еще только половина дела. Вторая половина – убедить их ответить на вопросы. А народ там не слишком разговорчивый, особенно с чужаками.

Все это кратко и доходчиво поведал документалистам товарищ из КГБ Василий Федотович. А затем продолжил:

– Вот потому-то, товарищи, мы и остановили свой выбор именно на вас, а не на ком-то другом. Расчет здесь прост. Двое из вас – Марина Прокопьева и Евгений Генералов знают арабский язык, так как совсем недавно окончили учебу в институтах на соответствующих факультетах. Это именно так? Я не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – ответил Евгений, а Марина лишь молча кивнула.

– И это замечательно! – с удовлетворением произнес Василий Федотович. – Потому что иначе как бы вы общались с местным населением? Можно, конечно, было бы и через переводчика, но... Переводчик – это третье лицо, и это обстоятельство наверняка смутило бы местных жителей. Когда общаешься один на один, без посредника, разговор получается более доверительный. Ну да не мне вас учить таким азам. Вы это прекрасно знаете и без меня.

Василий Федотович помолчал, перевел дух и продолжил:

– Теперь я вам скажу, по какой причине в вашей группе сразу две женщины. Одна, значит, корреспондент, а другая – оператор. Тут, товарищи, все дело в восточном менталитете. Никакая арабская женщина не станет общаться с незнакомым мужчиной. А уж тем более не позволит незнакомому мужчине снимать ее на кинокамеру. А вот если с нею будет говорить женщина, тогда другое дело. Очень прошу вас учесть это обстоятельство, когда окажетесь на месте.

Василий Федотович опять помолчал, о чем-то подумал и вновь заговорил:

– То же самое касается и арабских мужчин. Вряд ли кто-нибудь из них захочет откровенничать с женщиной. Что поделаешь – восточные нравы и обычаи! А вот в ходе, так сказать, мужского разговора...

Василий Федотович вновь умолк: то ли он все, что хотел, сказал, то ли устал от длинных речей и собирался с силами. Воспользовавшись паузой, Никита Снегов спросил:

– А о чем должны быть фильмы? В каком, так сказать, ракурсе их делать?

– Думаю, товарищи, что вам это понятно и без моих разъяснений, – ответил Василий Федотович. – По большому счету следует снимать о том, как тяжело живется местному населению под пятой оккупантов. Ну и, разумеется, в фильмах должен присутствовать соответствующий пафос...

– Оккупанты – вон с чужой земли! – подсказал Никита.

– Именно так, – кивнул товарищ из КГБ. – Так что тут все понятно.

– Да, но существуют всяческие нюансы... – в раздумье произнесла Марина Прокопьева.

– А вот с нюансами вы будете разбираться сами, когда приступите к работе, – сказал Василий Федотович. – Потому что сейчас ни вам они не известны, ни я их не знаю. В общем, товарищи, вы должны запомнить главное: на вас возложена высочайшая ответственность. Вы отправляетесь на передний край борьбы за мир. Очень хотелось бы, чтобы вы это как следует осознали и прочувствовали.

На такие слова никто из пятерки ничего не сказал, да и что тут скажешь? Все было понятно и без слов.

– Ну а всяческие плюшки и пряники – они уже будут тогда, когда вы полностью отснимете ваши фильмы, – пообещал товарищ из КГБ. – У кого еще имеются вопросы?

Вопросов ни у кого не оказалось.

– Тогда, товарищи, на сегодня все. Сейчас вас развезут по домам – и готовьтесь. Ровно через два дня – вылет. Да, и еще раз напоминаю: о нашем разговоре и о том, куда именно вы отбываете, – никому ни слова. Никому! Даже самым близким людям. А будут спрашивать – что-нибудь сочините. Скажите, к примеру, что вылетаете снимать фильм о героическом труде наших хлопкоробов.

Глава 4

Через два дня всю пятерку пригласили в тот высокий кабинет, о котором шла речь в начале повествования. Там их напутствовали высокие чины, пожелали счастливого пути и скорейшего выполнения задания. А потом их всех доставили на военный аэродром. Лететь они должны были на военном самолете. На аэродроме корреспондентов и операторов встретил Василий Федотович. Рядом с ним находились еще три человека: два молчаливых парня в штатском и еще один, которого документалисты отчасти знали. Этим третьим был тот самый мужчина, представившийся в прошлый раз начальником спецгруппы Вячеславом Богдановым.

– Здравствуйте вам! – поздоровался с ним Евгений Генералов.

– И вы не хворайте, – ответил Богданов.

– Эти трое товарищей полетят с вами, – сказал Василий Федотович. – Двое – уладят все формальности по прибытии на место, а ваш старый знакомый – летит по своим делам.

– Понятно, – за всех ответил Никита Снегов.

– И вот что еще, – сказал Василий Федотович. – Поскольку вы отправляетесь, можно сказать, на линию фронта, то, соответственно, вас следует считать боевым отрядом. А в боевом отряде должен быть командир. Так вот: своим решением я назначаю командира вашего боевого отряда. Им будете вы, – и Василий Федотович посмотрел на Никиту Снегова.

– Я? – удивился Никита. – Но почему именно я?

– Считайте это приказом, – сказал товарищ из КГБ. – А приказы не обсуждают, а что?..

– Выполняют, – закончил фразу Никита.

– Вот именно, – подтвердил Василий Федотович. – Итак, вы – старший. А стало быть, несете персональную ответственность за порядок в группе, а также за выполнение порученного вам задания. Ну и само собой, за каждого члена группы. Вам все понятно?

– Наверно, я должен сказать «так точно»? – усмехнулся Никита.

– Будем считать, что эти слова вы уже сказали, – усмехнулся в ответ товарищ из КГБ. – Теперь все слушайте меня внимательно. В этих рюкзаках – необходимые припасы на первый случай. Дальше вам придется питаться местными продуктами – ну да что поделать? А пока вот вам отечественные харчи. Здесь три рюкзака. Каждый мужчина берет по рюкзаку, и... В общем, понятно.

– Спасибо Родине-кормилице за то, что не забыла своих блудных детей и снабдила их на дорогу хлебушком! – иронично проговорил Евгений Генералов.

– Как видите – не забыла и снабдила, – серьезно произнес товарищ из КГБ. – Ну, товарищи, рассаживаемся вон в тот самолет. Успехов вам. И помните – вы отправляетесь выполнять ответственное задание Родины. Не забывайте об этом.

– Не забудем, – за всех ответил Никита Снегов.

* * *

– Ну и чертова же тарактелка! – покрутил головой Евгений Генералов, когда самолет взлетел. – Трактор на сельской ниве – это просто-таки райская музыка по сравнению с этим ревом! И как только пилоты не глохнут от такого грохота? А, товарищ из спецназа? Я интересуюсь, как они переносят этот рев и скрежет?

– В кабине не так слышно! – прокричал в ответ Вячеслав Богданов. – Да и здесь можно привыкнуть!..

– А тогда ответьте – для чего вы летите с нами? Если, конечно, это не секрет.

– На всякий случай! – прокричал в ответ Богданов.

– Это на какой такой случай? – заорал Евгений прямо в ухо Богданову.

– Оценить обстановку, изучить местность, прочувствовать местную атмосферу, помахать вам на прощанье платочком! – ответил Богданов. – Видите, сколько у меня дел? Сделаю все это – и обратно.

– Ну-ну! Я говорю – ну-ну! – сказал Евгений. – То есть выражаю свой скепсис. Потому что вы напоминаете мне Харона. Вы знаете, кто такой Харон?

– Знаю! – ответил Богданов. – Перевозчик мертвых через реку Стикс в Аид. А вы что же – мертвый? И собрались в Аид? А в рай что же, грехи не пускают?

– Да это я так! – махнул рукой Евгений. – Такая, понимаете, возникла у меня ассоциация.

– У меня – другая ассоциация! – ответил Богданов. – С каждого задания вернуться живым и невредимым! И вам желаю тех же самых ассоциаций!

– Благодарствую на добром слове! – заорал в ответ Евгений и приложил ладонь к сердцу.

Прилетели. Самолет начал снижаться. Все, кто был в самолете, включая Богданова и двух молчаливых молодых людей, приникли к иллюминаторам. Желтый, с редкими зелеными и коричневыми пятнами мир простирался внизу. По мере снижения самолета этот мир становился все ближе и шире, и скоро из иллюминаторов ничего, кроме желтого песка, уже видно не было.

Самолет вздрогнул, нутужно взревел и коснулся колесами взлетной полосы. Пробежав какое-то расстояние по полосе, он еще раз вздрогнул и остановился. Рев моторов заглох, внутри самолета установилась тишина. Люди затрясли головами: всем показалось, что их уши и головы вдруг заполнились мягкой ватой.

– Ощущение – наиприятнейшее! – заявил Алексей Кудря. – В моем детстве это называлось – будто пыльным мешком по голове...

– Еще пару раз с нами слетаете – привыкнете, – сказал пилот, появившись из кабины. – Все, товарищи, выгружаемся. Прибыли.

Аэродром и окрестности вокруг него представляли собой довольно-таки однообразное и тоскливое – особенно для непривычного ока – зрелище. Кругом был сплошной песок. Изредка в желтом песке виднелись какие-то коричневые и серые возвышенности – должно быть, занесенные песком небольшие горы. Несколько чахлых, большей частью с коричневыми, а не с зелеными листьями пальм росли неподалеку, прислонившись к аэродромным строениям.

– В пустынных степях аравийской земли три гордые пальмы росли и цвели, – грустно продекламировал Генералов. – Что и говорить – непритязательный пейзаж.

– Да уж, не среднерусская возвышенность! – поддержал его Алексей Кудря.

К ним уже шли какие-то люди в военной форме. Заметив их, двое молчаливых сопровождающих пошли к ним навстречу. Встретившись, они о чем-то начали говорить с военными, несколько раз указав руками на пятерых операторов и корреспондентов.

– О нас говорят, – догадалась Марина.

– А о ком же еще им говорить? – пожал плечами Евгений. – Не о верблюдах же, которых, кстати, я не вижу в сих печальных окрестностях. Интересно знать, куда подевались верблюды? Ведь должны же они здесь присутствовать для полноты картины!

Закончив говорить, военные и двое сопровождающих подошли к документалистам.

– Здравствуйте, – поздоровался один из военных на русском языке.

– Здравствуйте, – вразнобой ответила пятерка.

– Зовите меня Салим, – сказал военный. – Мне поручено вас встретить и помочь. Сейчас я отведу вас в гостиницу.

– Зачем в гостиницу? – не понял Никита Снегов.

– Там переночуете, – пояснил Салим. – А завтра утром мы переправим вас на ту сторону.

– А почему не сегодня? – спросил Никита.

– Сейчас вторая половина дня, – сказал Салим. – Скоро стемнеет. Наступит ночь. Ночь – самое опасное время в пустыне. Особенно для вас.

– Что, львы и шакалы? – усмехнулся Евгений Генералов.

– Двуногий шакал гораздо страшнее четырехногого, – серьезно ответил Салим. – Здесь – война.

– Понятно, – сказал Никита. – Война. Пир для шакалов.

– Да, – соглашаясь, коротко сказал Салим.

– Что ж, ведите нас в гостиницу, – проговорил Никита и оглянулся на двух молчаливых сопровождающих. – Вот те на! А где же наш третий ангел-хранитель?

– Он занят своими делами, – ответил Салим. – Вернется – и самолет улетит обратно.

– Что ж, – сказал Никита, обращаясь к двум молчаливым сопровождающим. – Тогда бывайте здоровы, мои молчаливые соплеменники. Счастливого полета в обратную сторону.

– Кланяйтесь от нас матери-Родине! – добавил Генералов. – Припадите к ее пыльным дорогам и оросите их за нас своими слезами!

К ним подошли военные, молча взяли поклажу и пошли. Вся группа последовала за ними.

Глава 5

Гостиница, в которую их поселили, оказалась непритязательным, вытянутым в длину приземистым зданием с небольшими окошками. Рядом со входом был разбит скверик, в котором росли несколько пальм, какие-то три кустика и даже несколько ярко-алых цветов.

– Это, – указал Салим, – мужская половина. Женская половина там, – он указал на другое крыло здания.

Неподалеку от Салима стояли молодые женщина и мужчина.

– Эту женщину зовут Исма, – сказал Салим. – Она будет прислуживать вашим женщинам. Исма, покажи этим двум женщинам их комнату.

Исма молча поклонилась и сделала Анастасии и Марине приглашающий знак, означавший, что нужно следовать за нею.

– А это – Бадих, – указал Салим на мужчину. – Он будет вашим слугой. Бадих, покажешь мужчинам их комнату.

Бадих молча поклонился.

– Завтра, как только рассветет, вы и ваши женщины должны быть готовы, – сказал Салим. – Наши люди переправят вас на ту сторону. И будут вас там охранять.

– Вот как? – удивился Снегов. – Даже охранять?

– Да, – подтвердил Салим. – Вы люди штатские, а здесь – война.

– Что ж, спасибо, – сказал Никита. – От охраны мы не откажемся. А кто они, охранники?

– Надежные и проверенные люди, – сказал Салим. – К тому же специально подготовленные для охраны людей. С ними вы будете чувствовать себя в безопасности.

Никита ничего не сказал, лишь прижал ладонь к сердцу и поклонился. То же самое сделали Евгений и Алексей. Салим поклонился в ответ.

– Тогда до завтра, – сказал Салим. – Да, еще. Эти люди, – он указал на четверых мужчин в военной форме, молча стоявших поодаль, – будут вас охранять в гостинице.

– А в гостинице-то для чего? – спросил Никита.

– Война – везде война, – сказал Салим. – Желаю приятно отдохнуть.

И он ушел, а четверо мужчин в военной форме остались.

* * *

– Отель нормальный, – сказал Евгений и оглядел комнату. – И номер тоже соответственный. Восточный стиль с колониальным уклоном!

– А ты что же, рассчитывал, что тебя поселят в «Метрополе»? – усмехнулся Алексей.

– Для чего мне «Метрополь»? – хмыкнул Евгений. – Честно говоря, я надеялся на какой-нибудь бедуинский вигвам. Самое для нас подходящее жилище! А тут на тебе – помещение с тремя окошками, да еще и с душем вдобавок! Будто я никуда и не выезжал из матери-России. Вернее сказать, не вылетал.

– Думаю, проживем мы и в бедуинских шатрах, – сказал Никита. – Вот перебросят нас завтра на другую сторону, и сбудется твоя сокровенная мечта.

– Что ж, я совсем не против в смысле соблюдения моих сокровенных мечт, – улыбнулся Евгений. – Или мечтов – как будет правильно?

– И это спрашивает журналист, которому Родина доверила ответственное задание! – воздев руки, воскликнул Алексей. – Ох, ошиблась на этот раз Родина, ох, ошиблась!

В это время в номер постучали.

– Войдите! – сказал Никита.

Вошел Бадих и спросил по-русски:

– Когда прикажете подавать обед?

– Что, нас будут еще и кормить? – удивленно спросил Евгений. – Ты глянь, как тут все у них отлажено! И охраняют они нас, и кормят! Нет, я, конечно, совсем не против, но все равно удивительно.

– Это называется восточное гостеприимство, – серьезно произнес Бадих. – Разве у вас в России не так?

– Конечно же, так! – ответил Евгений. – И так, и разэтак... Во всю ширину русской души!

– Тогда чему же вы удивляетесь? – все тем же серьезным тоном поинтересовался Бадих.

– Э-э-э... – произнес Евгений, да и не нашелся, что больше сказать.

– Так ты, значит, тоже говоришь по-русски? – спросил Никита у Бадиха.

– Да, я говорю по-русски, – ответил Бадих. – И Исма тоже говорит по-русски. Иначе как мы смогли бы понимать наших русских гостей?

– Логично, – согласился Никита.

– Когда прикажете подавать обед? – повторил свой вопрос Бадих.

– А вот сейчас мы пригласим наших женщин, и подавай, – сказал Евгений.

– Ваши женщины будут обедать на своей половине, – сообщил Бадих. – Так у нас принято.

– Понимаю! – склонил по-гусарски голову Евгений. – И ничуть против этого не возражаю.

Что ж, коль так, то подавай.

Бадих молча поклонился и вышел.

– Видали, как у них здесь устроено! – покрутил головой Евгений. – Дамы кушают отдельно от кавалеров.

– Привыкай, – сказал Алексей. – В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

– Ты сам придумал такую мудрость или от кого-то научился? – ухмыльнулся Евгений. – А вот интересно, чем они будут нас потчевать? Я так думаю, что какими-нибудь верблюжьими горбами в собственном соку. Что ж, отведаем. Никогда не едал!

В дверь опять постучали, и вошел Бадих. Вслед за ним вошли еще двое мужчин с разнообразной посудой в руках, которую они тут же начали расставлять на низеньком столике. Через минуту стол был накрыт. Мужчины поклонились и так же молча вышли.

– Приятного аппетита, – пожелал Бадих. – Ведь так говорят у вас в России?

– Именно так и говорят, – сказал Евгений. – Бадих, может, и ты с нами? Прошу.

– Нет, – сказал Бадих. – Но если хотите, я могу назвать вам блюда, которые вы сейчас будете кушать.

– Интересно будет узнать, – проговорил Никита.

– Это – бейзар, – назвал блюдо Бадих. – По-вашему – бобовый суп. Это кебаб из баранины. Это пита. Лепешка, хлеб. А вот это – наше национальное лакомство мухаллабия. Делается из риса. Ну, и кофе.

– Меню, заставляющее относиться к нему с уважением, – констатировал Евгений. – Бадих, а где ты научился так хорошо говорить по-русски?

– Я учился в Советском Союзе, – сообщил Бадих, – в Киевском университете.

– Вот, значит, как, – с некоторым удивлением произнес Никита. – А я ведь тоже в нем учился. На факультете журналистики.

– Значит, мы могли встречаться, – сказал Бадих. – Где-нибудь в университетских коридорах.

– Или в какой-нибудь пивной, – улыбнулся Никита. – Бадих, ты бывал в киевских пивных?

– Коран это не приветствует, – сообщил Бадих. – Приятного аппетита.

И он вышел.

* * *

Ночь, как это и случается в южных широтах, наступила внезапно и мгновенно. Кажется, только недавно, какую-то минуту назад, было еще совсем светло, а вот нате вам – ночь! Весь мир – тьма-тьмущая, и небо тоже черным-черно, и на нем лохматые крупные звезды.

– Красивые у них ночи, – сказал Евгений, глядя в окно. – Бархатные... А звуки-то какие! Слышите?

Ночь была наполнена самыми разнообразными звуками. Одни звуки доносились изда-лека, другие – раздавались совсем рядом. Стрекотание, нежные мелодичные свисты, жужжание, какое-то потрескивание, чей-то вой – все это смешивалось в удивительную, убаюкивающую музыку.

– Вот поет пустыня, – задумчиво сказал Евгений. – А я-то считал, что никого, кроме людей и верблюдов, здесь нет. О, как же я был неправ... Поет пустыня...

Они послушали пение пустыни, поговорили о том, как будут снимать фильмы, что нужно снять в первую очередь, что во вторую, какие вопросы они будут задавать своим респондентам и кто они будут, эти респонденты, и незаметно для самих себя уснули. Они спали, а под окнами их номера почти неслышными шагами ходили люди в военной форме. И – пела пустыня.

Глава 6

Утром их разбудил стук в дверь.

– Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне? – проворчал спросонья Евгений Генералов. – Тем более в такую рань? Вот еще даже не рассвело как следует. – Он глянул в окошко и восторженно ахнул: – Братцы, ну и красивые же восходы в этой пустыне! Гляньте!

Восточная часть неба и вправду была удивительна. Добрая часть небосвода полыхала ярким цветом, и этот цвет был неоднородным, а как бы переливался слоями. У самого горизонта небо было густо-малинового цвета, чуть выше – цвет переходил в малиново-пурпурный, а еще выше – от малинового цвета уже почти ничего не оставалось, он лишь угадывался, а преобладал легкий пурпурный цвет, слегка разбавленный нежно-оранжевыми полосами. А еще по этому небесному разноцветью плыли тоненькие, продолговатые облака пепельного цвета! Поневоле создавалось впечатление, что облачка такие потому, что их сжег этот величественный малиново-пурпурный утренний костер, и вот облачка превратились в пепел, и еще миг – и они рассыплются на мириады невидимых пепельных частиц. И точно, облачка рассыпались, а на их месте тотчас же возникали другие такие же облачка, и через какое-то мгновение они исчезали тоже...

– Ну и красота же! – восторженно повторил Евгений. – Встаньте, лежебоки, и гляньте сами! Такое диво невозможно упустить!

В дверь опять постучали.

– Иду! – отозвался Никита Снегов, встал и отпер дверь.

Это был Салим.

– Доброе утро, – сказал Салим, входя в номер. – Уже проснулись? Хорошо. Сейчас вам подадут завтрак, и в путь. Готовьтесь.

После завтрака мужчины вышли во двор гостиницы. Здесь их уже ожидали Анастасия и Марина.

– Вся команда в сборе! – радостно поприветствовал женщин Евгений. – Ну, и как вам спалось на женской половине?

– И спалось, и работалось, – поправила Анастасия.

– Это как же так? – удивился Евгений.

– А вот так, – улыбнулась Величко. – Мы и выспались, и позавтракали, и произвели кое-какие съемки. И даже взяли целых два интервью.

– Это у кого же? – недоверчиво спросил Евгений.

– У нашей Исмы и еще у одной женщины, – ответила Марина. – Хорошие девочки, общительные. Рассказали много интересного.

– Ну надо же! – хлопнул себя по лбу Евгений. – А вот мы не догадались! Надо было и нам... Например, у Бадиха или хотя бы у часового. Всю ночь топал под окном...

– Готовы? – спросил у всех Салим. – Ничего не забыли?

– Да вроде все наше при нас. – Никита вначале оглядел свою поклажу, а затем поклажу остальных своих коллег.

Салим на это ничего не ответил и поднял руку. Тотчас же откуда-то из-за гостиницы к нему и к документалистам подошли семь молодых мужчин, одетых в традиционную арабскую одежду, но при этом каждый – с оружием.

– Это – ваша охрана, – сказал Салим. – А это, – он указал на одного из мужчин, – старший. Его зовут Максум. Он говорит по-русски.

Тот, кого называли Максумом, вышел вперед и молча поклонился: вначале женщинам, затем мужчинам.

– Охрана – это понятно, – сказал Никита Снегов. – Но все же хотелось бы знать точнее – от кого они будут нас охранять? То есть какие опасности нам грозят?

– Мы отправляемся на оккупированную территорию, – ответил Максум. Говорил он по-русски с акцентом, но при этом вполне понятно. – Это наша земля. Синайский полуостров. На ней сейчас враги. От них мы и будем вас охранять.

– Вот как, – сказал Евгений. – Синайский полуостров. Легендарная земля! Кажется, это по ней Моисей целых тридцать лет водил свое неразумное племя...

На это Максум ничего не сказал. Он стоял и молча смотрел на документалистов.

– И что, там так много врагов? – спросил Никита.

– Пустыня большая, и людей в ней мало, – ответил Максум. – И своих, и чужих. Но они есть и могут вам встретиться. Мы не знаем, как они себя поведут. Может, они захотят взять вас в плен. Или убить. Никто этого не знает. Вы не здешние и не военные. Вас легко убить или взять в плен. Потому мы и будем вас охранять.

– Понятно, – серьезно проговорил Никита. – Но коль оно так, то не мало ли – всего семь человек?

– Семь человек в пустыне – это много, – ответил на это Салим. – К тому же это не просто семь человек. Они специально подготовленные бойцы. Они знают свое дело и многое умеют.

– Ну, коль так... – развел руками Никита.

– Прошу рассаживаться, – указал Салим на два вместительных джипа, стоявших неподалеку. – Это ваш транспорт. В одном поедете вы, в другом – охрана.

– Что, на автомобилях? – разочарованно протянул Евгений Генералов. – А я надеялся, что вы предложите нам верблюдов! Никогда не ездил на верблюде!

На такую нехитрую шутку улыбнулись все: и документалисты, и Салим, и Максум, и даже остальные шесть охранников, которым Максум сказал несколько слов по-арабски.

– Верблюды – в другой раз, – пообещал Салим. – На джипах будет быстрее и комфортнее. Да, вот еще что. Возьмите это, – и Салим протянул Никите обычную дорожную сумку.

– Что это? – не понял Никита. – Зачем?

– Там никабы для ваших женщин и куфия для мужчин. И еще – очки с темными стеклами. Они защитят вас от песка и солнца.

– С очками понятно, – сказал Никита. – А...

– Никаб закрывает лицо от песка и солнца, – пояснил Салим. – Куфия – то же самое, но она для мужчин. Возьмите. Пригодится.

– Благодарю, – сказал Никита.

– И все-таки как же лично мне не хватает верблюда! Воображаю себя верхом на верблюде, а на голове у меня – куфия! Умопомрачительное зрелище! Эх! – огорченно махнул рукой Евгений и первым направился к джипам.

За ним последовали и остальные. Задержался лишь Максум, которому Салим сказал несколько фраз по-арабски. Максум ничего Салиму не ответил, лишь взмахнул на прощание рукой.

Расселись и поехали. Никаких дорог, разумеется, не было, кругом простиралась сплошная пустыня. Пологие барханы сменялись каменистыми россыпями, россыпи опять переходили в барханы, изредка попадались не слишком высокие, полуразрушенные каменистые горы, за которыми шли песчаные равнины, которым, казалось, не было конца и края. Тут и там из песка и из-под камней торчали какие-то кустарники и засохшие пучки трав. Автомобиль немилосердно трясло, он накренился то вправо, то влево, но все же двигался довольно быстро.

Внезапно первый джип, в котором ехала охрана, остановился, а вслед за ним остановился и джип с журналистами.

– В чем дело? – недоуменно спросил Никита.

К ним подошел Максум.

– Мы пересекли линию разграничения, – сказал он.
– То есть мы уже на оккупированной территории? – уточнил Никита.
– Да, – сказал Максум.
– И что? – спросил Никита.
– Пока ничего, – ответил Максум. – Просто нужно быть готовым...
– К чему?
– Ко всему, – коротко ответил Максум.
– Понятно, – сказал Никита. – И куда мы теперь?
– Здесь неподалеку есть арабское поселение, – сообщил Максум. – Вам ведь нужно увидеть людей?
– Разумеется, – подтвердил Никита.
– Тогда мы едем к ним, – сказал Максум.
– И когда мы там будем? – спросил Снегов.
– Если ничего нас не задержит, то к полудню приедем, – ответил Максум, взглянув на солнце.
– Ничего себе – неподалеку! – проворчал Алексей Кудря.
– Это пустыня. Она большая. А людей в ней мало, – бесстрастно произнес Максум и пошел к своему джипу.

Джип с охраной тронулся, а вслед за ним тронулся и автомобиль с журналистами. Проехали еще километров двадцать. Припекало солнце, дул горячий ветер, в воздухе носились мириады песчинок, они попадали в глаза, набивались в рот и нос, мешали разговаривать и дышать. Поневоле пришлось вспомнить о подарке Салима и раскрыть дорожную сумку.

– Разбираем, что кому причитается! – сказал Евгений. – И главное – не перепутать женский предмет с мужским. А то, чего доброго, милые арабы нас неправильно поймут. Объясняйся потом...

Никабы и куфии вкупе с темными очками преобразили журналистов до неузнаваемости. Но вместе с тем дышать стало легче, да и смотреть вдаль тоже.

– Это дело надо заснять на кинокамеру! – предложил неугомонный Евгений. – Вставим в фильм. Чтобы зрители, а главное, наше начальство видели, в каких невыносимых условиях мы выполняли задание Родины!

– И вправду, – согласились остальные. – Алексей и Анастасия, расчехляйте аппаратуру!

Прямо на ходу, не останавливая автомобиля и трясясь на ухабах, Анастасия и Алексей достали камеры и стали снимать. Сняли и своих коллег в арабских головных уборах, и передний джип с охраной, и пустынные виды. Никита наговорил в микрофон нужные слова.

– Начало положено! – провозгласил Евгений. – И начало это – просто замечательное! Ну а каково начало, таково будет и продолжение, и завершение. Такая у нас существует примета. А, братцы? Вы помните такую примету?

Проехали еще добрый десяток километров и опять остановились. К журналистам подошел Максум.

– Там, – указал он рукой, – арабский поселок. В долине, за той горой.

– Значит, приехали? – спросил Алексей Кудря. – Можно выгружаться?

– Нет, – сказал Максум. – Мы не знаем, кто в том поселке, кроме его жителей. Может, израильтяне, может, американцы. Надо разведать.

– Что, и американцы здесь встречаются? – удивился Евгений Генералов. – А им-то что здесь понадобилось?

Максум ничего на это не ответил, он сказал другое:

– Прошу всех выйти из машины и быть осторожными. Если я махну рукой, сразу ложитесь.

– Ложиться куда? – не понял Алексей.

- На песок, – губы Максума тронула едва заметная улыбка.
- Понятно, – ответил за всех Никита Снегов.

Максум подошел к другим охранникам, и они о чем-то стали между собой говорить. Вскоре два охранника, взяв оружие на изготовку, отправились в сторону поселка.

– Насколько я понял, пошли на разведку, – больше сам себе, чем кому-либо, сказал Евгений. – Интересные дела творятся в этой пустыне...

Остальные охранники подошли к журналистам, окружили их и стали пристально вглядываться в даль. К охранникам присоединились и оба водителя, у них также в руках были автоматы.

– Ох, сейчас что-то случится! – опять же больше сам себе, чем другим, сказал Евгений. – Чует мое бедное сердце! Говорила мне родная мама: не езди, сынок, в ту окаянную пустыню.

Но ничего особенного не произошло. Примерно через час вернулись оба разведчика. Максум подошел к ним, и они стали о чем-то говорить. Разговор был недолгим.

– Все в порядке, – сообщил Максум, подойдя к журналистам. – Вчера в поселке были израильтяне и американцы. Но к вечеру они уехали. Сейчас в поселке чужих нет. Садитесь в машину.

Журналисты и охранники расселись, машины тронулись. Вскоре джипы, осторожно лавируя между камнями и скользя по каменной россыпи, спустились в поселок и остановились. Людей в поселке видно не было, лишь три старика поодаль угрюмо и недоверчиво вглядывались в пришельцев. Максум подошел к старикам и затеял с ними разговор. Вскоре он вернулся и сказал журналистам:

– Все в порядке. Можете выгружать оборудование и приступать к работе. Они, – он указал на стариков, – сведут вас с жителями поселка. – Максум помолчал и добавил: – Вначале они не хотели вам помогать. Думали, что вы американцы. Но я им сказал, что вы из России. Здесь не любят американцев. А русских уважают.

– Спасибо, – поблагодарил Никита.

И журналисты принялись выгружать из джипа аппаратуру и готовиться к съемкам. Евгений же тем временем подошел к старикам и вежливо поздоровался с ними на арабском языке. Старики ему ответили. Между Евгением и стариками завязался разговор.

– Ты знаешь наш язык, – одобрительно произнес один из них. – Это хорошо. Мы уважаем тех, кто знает наш язык. Американцы и израильтяне не знают нашего языка. Они хотят, чтобы мы говорили на их языке. И очень сердятся, если мы их не понимаем. Мы их не уважаем. Они плохие люди.

– Я учил ваш язык целых шесть лет, – сказал Евгений.

Старики в ответ удивленно покачали головами и поцокали языками.

– Мы хотим снять о вас фильм, – сказал Евгений.

– Я знаю, что такое фильм, – кивнул один из стариков. – Но зачем? Что будет в вашем фильме?

– Вы там будете, – сказал Евгений. – И другие люди, которые живут в поселке. Ваши слова там будут.

– Слова о чем? – спросил старик.

– О вашей жизни, – пояснил Евгений. – Об израильтянах и американцах. О том, как вы к ним относитесь.

– Мы их не уважаем, – повторил старик.

– Вот об этом и скажите! Пусть другие люди во всем мире услышат ваши слова. Пускай они узнают правду. Кто же еще им скажет правду, как не вы?

– Зачем другим людям наша правда? – спросил старик.

– Ваша правда изгонит израильтян и американцев с вашей земли, – ответил Евгений. – Правда – это тоже оружие. Разве не так?

– У нас говорят: правдивое слово лучше острой сабли. Сабля может притупиться и заржаветь, а правдивое слово – никогда, – в раздумье произнес один из стариков.

– Ну, вот видите! – радостно воскликнул Евгений.

– С вами женщины, – сказал другой старик. – Это хорошо. Это означает, что вы уважаете наши законы. Израильтяне и американцы не уважают наших законов. Они приезжают к нам без женщин. И сами хотят говорить с нашими женщинами. Так не принято. Наш закон этого не позволяет.

– Одна из наших женщин также знает ваш язык, – сообщил Евгений.

– Она тоже учила наш язык целых шесть лет? – спросил старик.

– Да, – ответил Евгений.

Старики опять ничего не сказали и опять удивленно покачали головами.

* * *

К исходу дня документалисты наснимали уйму всяческого материала. Были здесь и интервью, и натурные съемки. Сняли несколько разрушенных израильтянами зданий и развалины колодца, который израильтяне вместе с американцами взорвали. Они его взорвали просто так, походя, без всякой нужды. А что такое колодец в пустыне? Это источник жизни, это сама жизнь. И хорошо, что в поселке оставались еще два колодца. А если бы их не было? Да и эти колодцы в любой момент могут взорвать. И что тогда делать жителям поселка, куда им деваться вместе со скотиной? А отсюда сам собой возникает вопрос: разве можно любить того, кто взорвал твой колодец? Разве не нужно гнать со своей земли таких плохих людей?

Все пятеро журналистов готовы были снимать и вечером, но, поразмыслив, не стали. Вечером у местных жителей и без того хватает дел. Тут и уход за скотиной, и за детьми, и приготовление ужина, и прочие дела... И все они делаются не то чтобы втайне, а просто лишним будет в этот случае глаз кинокамеры, и такими же лишними будут расспросы журналистов. Поэтому решили закончить съемки утром следующего дня, поблагодарить отзывчивых жителей поселка за помощь в съемках и отправиться на поиски другого поселка, а за ним и третьего, и четвертого, и пятого...

Журналистов радушно накормили ужином – таким же простым и незатейливым, как просто и незатейлива сама пустыня. А затем уложили спать: женщин, само собою, отдельно от мужчин.

Утром журналисты закончили съемки, погрузили аппаратуру в автомобиль и распрощались с жителями поселка. Жители дали им в дорогу еды и воды и, кроме того, сказали скупые и добрые напутственные слова, которые, если разобраться, были еще ценнее, чем еда и вода.

Таким способом документалисты в сопровождении охраны объездили еще четыре поселка, затратив на все про все пять дней. И везде примерно с тем же результатом. Вначале местные жители встречали их в штаны, но, узнав, что они не американцы и не израильтяне, распахивали, можно так сказать, свои сердца навстречу пришельцам из далекой России.

Было уже отснято немало материала, но все это был хоть и ценный, но все-таки однообразный материал. Чтобы получился фильм, да и не один фильм, нужен был еще материал, другого свойства. Например, следы недавних боев арабов с израильтянами. Ведь если шла война, то, стало быть, должны где-то остаться и ее следы. Хорошо бы их отыскать и заснять на пленку.

– Да, такие места должны быть, – ответил Максум на просьбу журналистов. – Но я не знаю, где они. Никакой сплошной линии фронта здесь не было. К тому же эти места, скорее всего, уже занесло песком. Это же пустыня... Но если на такое место мы натолкнемся, я вам об этом скажу.

На том и порешили и поехали дальше. И надо же так случиться – повезло! Неожиданно они выехали на разрушенный поселок. Раньше, похоже, здесь был оазис с пальмами и колод-

цами, а коль так, то здесь жили люди. Конечно же, здесь жили люди! То там, то тут виднелись развалины хижин. А еще везде валялись полузанесенные песком стволы пальм, а вдобавок – там и сям виднелись остовы каких-то обгоревших машин и прочих механизмов. Мертвых тел нигде видно не было: то ли их похоронили, то ли их занесло песком, то ли останки растащили звери...

– Вот место боя, – сказал Максум журналистам. – Не знаю, кто победил в этом бою. Виден только результат. Плохой результат, страшный. Сто лет здесь не будет людей и зверей тоже, потому что, где нет людей, там не бывает и зверей. Будет только пустыня. Ей люди не нужны...

Журналисты, столпившись, молча осматривали печальную, страшную картину.

– Да, – сказала, наконец, Марина. – Остатки войны... А по сути, кладбище... Ни одного деревца не осталось целого, ни одной хижины.

– Будем снимать, – дал короткую команду Никита. – Всем приготовиться. – Он помолчал и добавил: – Мы и прибыли сюда, чтобы снимать войну. Войну, а не народные арабские гуляния.

Снимали долго, до самого вечера. Спорили, переснимали снятое ранее с других ракурсов. Закончили, когда начало темнеть.

– Все, – сказал Никита. – Закругляемся! В темноте много не наснимаешь.

И корреспонденты, и оба оператора в изнеможении рухнули на песок. Они устали. Съемка – тяжелая работа. Особенно когда снимаешь мертвое, разрушенное поселение, где раньше жили люди. Всем хотелось пить, все были голодны.

– Вы закончили вашу работу? – спросил у журналистов Максум.

– Да, – ответил Никита. – Сейчас переведем дух, умоемся, сообразим ужин.

– Не надо, – коротко произнес Максум.

– Чего не надо? – не понял Никита.

– Отдыхать не надо, умываться не надо, ужинать не надо. Садитесь в машину, и поедem, – сказал Максум.

– Это почему же? – удивленно спросил Алексей Кудря. – Мы устали.

– Поедем! – настойчиво повторил Максум. – Отъедем подальше и отдохнем, и поужинаем. А здесь не надо.

– Но почему же? – спросила на этот раз Анастасия.

– Плохое это место, – сказал Максум. – Здесь недавно гуляла смерть. Нельзя долго оставаться на том месте, где гуляла смерть. Это плохо. Смерть любит возвращаться в те места, где она недавно гуляла. Так говорит наш обычай.

– И что здесь делать смерти? – поддержал Анастасию Евгений. – Она уже собрала здесь свой урожай.

– Но мы живые, – возразил Максум. – И мы здесь. А значит, смерть может вернуться.

– Ну что, товарищи, прислушаемся к тому, что говорят древние арабские обычаи? – спросил Никита у коллег. – Или все же не станем верить предрассудкам и заночуем на этом самом месте?

– Надо бы уехать отсюда куда подальше, – сказала Марина. – Но я так устала, что, кажется, даже подняться и то не смогу.

– То же самое могу сказать и о себе, – поддержала подругу Анастасия.

– А я готов бросить вызов судьбе! – задорно произнес Евгений. – Поглядим, кто из нас удачливее – мы или старуха с косой!

– А я как все, – сказал Алексей Кудря. – Мне все равно: ехать – так ехать, оставаться – так оставаться.

– Что ж, – после небольшого раздумья произнес Никита. – Большинство за то, чтобы остаться. Значит, заночуем здесь. Максум, мы решили остаться и заночевать здесь. Все-таки лучше, чем в открытой пустыне...

Максум, услышав такие слова, ничего не сказал, лишь энергично и яростно взмахнул рукой и что-то вполголоса сказал другим охранникам. Среди охранников пробежал ропот, будто вдруг пробудился пустынный ветер и пробежал по верхушкам барханов. Пробежал и стих.

– Хорошо, – сказал Максум. – Раз вы так решили, значит, будет по-вашему. Никому без нашего сопровождения не отлучаться. Громко не разговаривать. Костры не разжигать.

– Но... – попытался возразить кто-то из журналистов.

– Я сказал! – жестко произнес Максум. – Разговоры в ночной пустыне слышны издалека. Костры видны издалека. А если ты в ночной пустыне один, тебя утащат шакалы.

– Но... – на этот раз попыталась не согласиться Анастасия.

– Помолчи! – с досадой прикрикнул на нее Никита. – Никаких «но»! Их не переубедишь! – кивнул он в сторону охранников. – Притом мы сами придумали себе такой ночлег. Все, товарищи, все! Ужинаем сухарями, запиваем их водой – и спать. Завтра – много работы. Который уже день мы в пустыне...

Журналисты перекусили на скорую руку и расположились на ночлег кто где. Охранники же, казалось, и не думали спать. О чем-то посоветовавшись, они заняли позиции вокруг лежащих журналистов – что-то вроде круговой обороны.

Черная, мягкая, наполненная невнятными звуками ночь опустилась на пустыню, укрыла ее непроницаемым пологом, так что могло показаться, что в мире и вовсе нет никакой пустыни. Потому что разве может быть что-нибудь на свете такое, чего совсем-совсем не видно?

Глава 7

Разбудили их какие-то громкие звуки. Вначале никто из журналистов спросонья не мог сообразить, что это за звуки и откуда они раздаются. Казалось, что звуками была наполнена вся ночная пустыня, кто-то кричал разными голосами, и даже стрелял. Да-да, именно так – стрелял. Выстрелы, похожие на треск ломающихся сучьев, раздавались повсюду.

Никите Снегову вначале даже показалось, что это и в самом деле треск ломающегося сухого валежника, будто какие-то могучие звери подбираются к ним сквозь бурелом и вопят разными голосами. Но очень скоро он сообразил, что он в пустыне, где нет ни сучьев, ни валежника. Кто-то действительно из ночной пустыни в них стрелял и устрашающе кричал. Но кто же мог в них стрелять? И зачем в них стреляли?..

– Что происходит? – откуда-то из темноты вынырнул Евгений Генералов. – Кто стреляет?

– Где остальные? – вместо ответа крикнул Никита, стараясь перекрыть треск выстрелов и непонятные звуки, раздававшиеся вокруг. – Марина, Настя, Алексей... Где они?

– Мы – тут! – раздался из темноты голос Алексея Кудри. – Девчонки со мной. Что случилось?

– Откуда мне знать! – крикнул Никита. – Стреляют... А кто в кого и по какой причине – понятия не имею. Никому никуда не уходить! Всем лечь! Лежать и не поднимать головы!

Судя по звукам, и мужчины, и женщины покорно упали на песок. Выстрелы и крики между тем продолжались.

– Максум! – крикнул в темноту Никита. – Максум!

Вскоре из темноты возникла чья-то смутная тень, похожая на полусогнутую человеческую фигуру. Кто-то упал на песок рядом с журналистами.

– Максум? – спросил Никита.

– Да, – ответил Максум, тяжело дыша.

– Что случилось? – спросил Никита. – Кто в нас стреляет? Почему?

– Не знаю, – сказал Максум. – Какие-то люди напали на нас. Их много, они со всех сторон. Они стреляют по нам, мы – стреляем в ответ.

– Но кто они? – спросила на этот раз Анастасия.

– Не знаю, – повторил Максум. – Может быть, это Гюрза и его люди. По нашим данным, они должны быть поблизости.

– Кто такой Гюрза? – спросил Никита.

– Разбойник, – ответил Максум. – И все его племя такие же разбойники. Кочуют по пустыне. Берут в плен, требуют выкупа. Убивают.

– А может, это израильтяне или американцы? – спросил Евгений.

– Не думаю, – сказал Максум. – Не те повадки. Да и речь из темноты на арабском... Лежите. Не вставайте. Скоро я вернусь за вами, и мы... – он не договорил и исчез в темноте. И уже оттуда, из темноты, раздался его голос: – Плохое это место. Я говорил... Надо было уходить. Сюда пришла смерть...

– Но что... – начал было говорить Никита, да умолк, потому что почувствовал: Максума рядом уже нет и он не услышит.

– Всем лежать! – повторил приказ Никита. – Алексей, Настя! Где аппаратура?

– В машине, – сообщил Алексей. – А, черт!.. А ведь действительно! Покрошат пулями нашу аппаратуру! И зачем мы без кинокамер будем нужны в этой пустыне?

– Алексей, Евгений! Ползком за мной к машине! – скомандовал Никита. – Надо взять из нее аппаратуру. Девчонки остаются на месте!

– Мы тоже – ползком! – не согласилась Анастасия. – Какая разница, где лежать – здесь или у машины?

– Ну, и вы с нами... – не очень уверенно ответил Никита и пополз в сторону машины, загребая локтями и коленками песок.

Все поползли за ним – кто как умел.

– Вот машина! – сказал Никита. – Девчонкам – лежать! Мужчины, вытаскивайте аппаратуру!

Пригнувшись, трое мужчин подбежали к машине и на ощупь стали выбрасывать из ее кузова кинокамеры и прочую аппаратуру.

– А! – вдруг болезненно вскрикнул Евгений. – Вот зараза!

– Что такое? – испуганно спросила Марина.

– Не знаю... – ответил Евгений. – Больно в плече. И, кажется, кровь... Ох, как же больно...

Марина вскочила и подбежала к Евгению.

– Где больно? – спросила она. – Покажи!

– Вот здесь, – простонал Евгений. – Рука... Или плечо... Ах ты ж... Кажись, зацепило меня!

– Ложитесь! – крикнул Никита. – Всем лежать!

Евгений и Марина опустились на песок. Евгений прислонился спиной к машине.

– Как же больно! – сквозь зубы проговорил он. – Подстрелили меня, как страуса... Есть же здесь у них страусы?

– Я сейчас! – торопливо произнесла Марина.

В числе прочего в их багаже были и бинты, и лекарства. Но где их сейчас искать, в темноте?

– Я сейчас! – повторила Марина.

Она торопливо сорвала с себя никаб, свернула его в жгут и на ощупь перевязала Евгению руку прямо поверх одежды.

– Вот так, – сказала Прокопьева. – Главное – остановить кровь. Я знаю, меня этому учили... Потерпи. Скоро рассвет, найдем бинт и лекарство, и я перевяжу тебя как следует. Потерпи, Женечка!

– Чертова пустыня! – сквозь зубы произнес Никита и добавил еще несколько слов. Он был растерян, не знал, что делать и какие команды давать своим коллегам, да и нужны ли здесь вообще какие-либо команды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.